

4.4. Концептуальное значение понятия «уголовный проступок» в уголовном праве России и Германии: сравнительный анализ

©Серебренникова Анна Валерьевна ^а

DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-2-128-133

©Кузнецов Андрей Юрьевич ^б

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

^а serebranna@hotmail.com

^б andkuzn@inbox.ru

Аннотация: Цель исследования. В предлагаемой статье представлен анализ концептуального значения категории уголовного проступка в России и Германии с целью продемонстрировать «чужеродность» проступка для российского уголовного законодательства. В статье указывается на принципиальные отличия предлагаемых его конструкций Верховным Судом Российской Федерации и конструкции проступка в УК ФРГ. Выводы. Авторами проведен социологический опрос 62 респондентов о целесообразности введения в российское уголовное право рассматриваемой категории, результатом которого является констатация осознания лицами, как имеющими, так и не имеющими высшего юридического образования ее «чужеродности» для российского уголовного законодательства. В статье показано, что уголовный проступок противоречит материальному понятию преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации и основанным на категории общественной опасности преступления и личности иным уголовно-правовым институтам и нормам российского уголовного права. Авторами также делается вывод о незначительном значении категории проступка как для законодателя, так и для правоприменителя в Германии. В то время как закрепление уголовного проступка в российском уголовном законодательстве повлечет в нем серьезные и при этом научно необоснованные изменения.

Ключевые слова: Германия, уголовное право, Уголовный кодекс, классификация преступных деяний, преступление, проступок.

Для цитирования: Серебренникова А.В., Кузнецов А.Ю. Концептуальное значение понятия «уголовный проступок» в уголовном праве России и Германии: сравнительный анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. №2. С. 128-133. DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-2-128-133

The Conceptual Meaning of the Concept of "Criminal Misconduct" in the Criminal Law of Russia and Germany: A Comparative Analysis

©Serebrennikova Anna Valerievna ^а

DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-2-128-133

©Kuznetsov Andrey Yurievich ^б

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

^а serebranna@hotmail.com

^б andkuzn@inbox.ru

Abstract: The purpose of the study. The proposed article presents an analysis of the conceptual meaning of the category of criminal misconduct in Russia and Germany in order to demonstrate the "foreignness" of the offense for the Russian criminal legislation. The article points out the fundamental differences between its proposed designs by the Supreme Court of the Russian Federation and the design of a misdemeanor in the Criminal Code of Germany. Conclusions. The authors conducted a sociological survey of 62 respondents on the expediency of introducing the category in question into Russian criminal law, the result of which is a statement of awareness by persons both with and without higher legal education of its "foreignness" for Russian criminal law. The article shows that a criminal offense contradicts the material concept of a crime in the Criminal Code of the Russian Federation and other criminal law institutions and norms of Russian criminal law based on the category of public danger of crime and personality. The authors also conclude that the category of misconduct is insignificant for both the legislator and the law enforcement officer in Germany. While the consolidation of a criminal offense in the Russian criminal legislation will entail serious and at the same time scientifically unjustified changes in it.

Keywords: Germany, criminal law, the Criminal Code, the classification of criminal acts, a crime, a misdemeanor.

For citation: Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu. The Conceptual Meaning of the Concept of "Criminal Misconduct" in the Criminal Law of Russia and Germany: A Comparative Analysis // Gaps in Russian legislation. 2022. Vol. 15. №2. Pp. 128-133. (in Russ.). DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-2-128-133

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы на страницах научной литературы развернулась дискуссия о целесообразности введения в российское уголовное законодательство категории «уголовный проступок». Такое большое внимание к этой теме обусловлено настойчивостью Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ), который, начиная с 2017 г., не перестает инициировать закрепление рассматриваемой категории в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ).

Из работы в работу кочуют аргументы приблизительно одного содержания как «за», так и «против» уголовного проступка. Тем не менее, не взирая на колоссальное число высказавшихся по данной проблеме, до сих пор отсутствуют более или менее четкие ответы на ряд концептуальных, принципиально важных вопросов, проистекающих из инициативы законодательного оформления рассматриваемого института. Какова правовая природа уголовного проступка – ближе к преступлению или административному правонарушению? Будут ли составляющие его деяния обладать общественной опасностью и каково соотношение уголовного проступка с категорией малозначительного деяния? Какие меры уголовно-правового воздействия подлежат применению к лицам, совершившим деяния, именуемые уголовными проступками?

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

На обозначенные вопросы сам Верховный Суд РФ отвечает неоднозначно, меняя свою позицию от одного законопроекта к другому. К примеру, в законопроекте от 2017 г. за совершение уголовных проступков предлагалось назначать иные меры уголовного-правового характера, к числу которых высшая судебная инстанция посчитала возможным относить обязательные и исправительные работы. При этом предполагалось, что за совершение уголовных проступков не назначалось бы наказание в виде лишения свободы¹. Однако в законопроекте 2021 г. отмечается, что совершение целого ряда деяний, подпадающих под категорию уголовного проступка, должно наказываться и лишением свободы².

Главным отличием уголовного проступка от преступления является отсутствие у первого судимости. Однако, согласно редакции ст. 15.1 крайнего законопроекта, уголовный проступок – это *преступление* (курсив наш – А.С. и А.К.) небольшой или средней тяжести. Такое соотношение преступления и уголовного проступка уже само по себе является некорректным, поскольку неотъемлемым свойством наказания, которое следует за совершением любого преступления, является *судимость*, тогда как уголовный проступок, явля-

ясь преступлением небольшой или средней тяжести, судимости не влечет.

Чтобы сделать вывод о научной обоснованности введения категории уголовного проступка в УК РФ, следует установить возможность или невозможность ее сосуществования с уже имеющимися уголовно-правовыми институтами, к которым она будет иметь непосредственное отношение.

Известно, что дореволюционный период развития отечественного уголовного права ознаменовался установлением в Уголовном уложении 1903 г. формального понятия преступления, как деяния, запрещенного уголовным законом. Все преступные деяния классифицировались на преступления и проступки.

Именно такой подход в уголовно-правовой доктрине был назван классической уголовно-правовой концепцией, которая противопоставляется советской уголовно-правовой концепции в силу того, что советская власть закрепила во всех источниках уголовного законодательства советского периода материальное понятие преступления, оперирующее категорией общественной опасности³. Например, по мнению Т.Г. Понятовской, концептуальной функцией преступления и наказания в классической (то есть дореволюционной) уголовно-правовой концепции является защищенность граждан от репрессивного злоупотребления (произвола) со стороны государства, поскольку на первый план выдвигается принцип «нет преступления, не предусмотренного в законе». В советской же уголовно-правовой концепции на первый план выдвигается другая функция названных институтов, а именно уголовно-правовое вмешательство во все сферы общественного бытия, личную жизнь граждан, что самое главное – ничем не ограниченное⁴. Еще в начале 1990-х годов ученая писала о том, что нужно признать, что перед российской уголовно-правовой наукой стоит неимоверно сложный вопрос: возвратиться к классической российской уголовно-правовой концепции и вернуть уголовно-правовым понятиям и институтам их изначальное содержание и юридическое значение, приспособить к новой социальной действительности советскую концепцию или же вообще создать какую-то принципиально иную.

На наш взгляд, законодатель совершенно обоснованно пошел по пути приспособления, как ее именует Т.Г. Понятовская, советской концепции к современной действительности. И, по существу, именно она и является классической, поскольку стремление отечественной уголовно-правовой науки (что отчетливо видно из работ еще дореволюционных ученых) к пониманию преступления, как деяния, причиняющего существенный вред личности, обществу и государству, было что задолго до Октябрьской революции 1917 г., что тем более после, несмотря на формальное понятие преступления в Уложении 1903 г. и наличие в последнем категории уголовного проступка.

Как раз наоборот, концептуальное значение категории уголовного проступка и состоит в чрезмерном уголовно-правовом вмешательстве в различные сферы общественного бытия, поскольку он призван все же

¹ См.: Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 08.02.2022).

² См.: Верховный суд РФ внес в Государственную Думу законопроект, который вводит в российское уголовное право понятие уголовного проступка URL: <https://rg.ru/2021/02/15/verhovnyj-sud-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-ob-ugolovnom-prostupke.html> (дата обращения: 08.02.2022).

³ См., например: Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 68-69.

⁴ Там же.

«обозвать» целый перечень проступков приставкой «уголовный».

В классическом понимании уголовно наказуемыми являются деяния, причиняющие существенный вред личности, обществу или государству. Это отражает категория общественной опасности, которая пронизывает все институты отечественного уголовного права. Именно исходя из осознания общественной опасности устанавливается вина в совершении преступления, на основе индивидуальной общественной опасности назначается наказание конкретному лицу и т.д. Отсутствие у деяния общественной опасности является основанием непривлечения лица к уголовной ответственности, специально для чего и была разработана научно обоснованная категория малозначительного деяния.

Отсюда логичным является вопрос о допустимых пределах уголовно-правового регулирования – оно должно ограничиваться строго рамками общественно опасных деяний, при условии, что малозначительным деяниям в уголовном законе места нет. Отсутствие общественной опасности в определении преступления влечет за собой концептуально иной подход – преступными признаются не только деяния, представляющие существенную вредность для правопорядка, но и те, вредоносность которых является сомнительной, а также те, которые являются нейтральными или даже социально полезными, но в силу политических причин неурядными для господствующих классов.

Уголовный проступок - это «сборная солянка», куда включают и малозначительные деяния, и иные правонарушения, но самое главное – в него включают и преступления (которые в действующем уголовном законе относятся к категориям небольшой и средней тяжести), что тем самым как бы затушевывает концептуальное значение рассматриваемого института, поскольку его закрепление обосновывают тем, что он, дескать, состоит из деяний все же общественно опасных.

Представляется, что все обстоит несколько иначе. Если мы признаем уголовно наказуемыми деяния и не обладающие общественной опасностью, каковые составляют категорию уголовных проступков, то автоматически создадим условия для проведения в жизнь теории стигматизации (наклеивания ярлыков), поскольку, хотя пусть уголовный проступок и не влечет за собой судимость, все же зачем-то законодателю понадобилось назвать целый перечень деяний уголовно наказуемыми.

Закрепив категорию уголовного проступка, мы тем самым официально признаем, что уголовный закон создает из человека преступника, а не его поведение, характеризующее как общественно опасное. К примеру, ст. 212.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Это типичный пример того, как государство создает из человека преступника, поскольку неоднократность без хотя и незначительной, но все же общественной опасности деяния, никогда не сможет трансформировать административное правонарушение в состав преступления, какой бы стойкой ни была антиобщественная установка лиц, нарушающих законодательство об ад-

министративных правонарушениях.

В уголовном законе подобных составов «преступных» деяний становится с каждым годом все больше. Фискальная функция многих составов экономических «преступлений», политическая обусловленная функция ряда составов с административной преюдицией и многих иных «преступных» деяний как раз демонстрирует концептуальное значение соответствующих уголовно-правовых запретов – они суть инструменты воздействия на личность, порицаемую государством, а не реакция на общественно опасное деяние. Потому закрепление категории уголовного проступка лишь легализует «нормальность» установления государственной властью подобного рода деяний, в то время как пока еще редакция ч. 1 ст. 14 УК РФ не позволяет этого делать. Однако, даже несмотря на это, законодатель включает в уголовный закон политически, экономически, но не социально обусловленные деяния.

Обратим внимание также на еще один момент. Общим основанием освобождения от уголовной ответственности совершенно логично является утрата лицом его прежней общественной опасности. При освобождении же от уголовной ответственности в связи с совершением уголовного проступка, по логике Верховного Суда РФ, основанием освобождения является само совершение уголовного проступка. Подобная логика применения норм об освобождении от уголовной ответственности, и без того уже где-то «затерявшаяся», вызывает недоумение.

При этом предлагаемая система мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим уголовный проступок, породит давно критикованную двухконтурность системы мер, применяемых к лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния⁵.

Сказанное позволяет сделать однозначный вывод: уголовный проступок не является ни социально, ни криминологически обусловленным. Еще А.М. Яковлев писал, что уголовное право в первую очередь озабочено укреплением гарантий социальной справедливости, тогда как первое требование к криминологии – эффективность⁶. Отсутствие судимости у лиц, совершающих ряд таких преступлений, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязание, причинение средней тяжести вреда здоровью, не является ни справедливым, что свидетельствует об отсутствии социальной обусловленности уголовного проступка, ни эффективным, что говорит о том, что данная категория не является и криминологически обоснованной. В равной мере это относится и к именованию деяний, к уголовному праву никакого отношения не имеющим, уголовными.

Таким образом, концептуальное значение понятия уголовного проступка в уголовном праве России окажется связанным как с деяниями, обладающими общественной опасностью, так и не обладающими ей. Последние не соответствуют основам отечественного уголовного права, поскольку не имеют социальных оснований их установления в уголовном законе, а функция уголовного проступка заключается в уголовно-правовом вмешательстве во все сферы общественного

⁵ См.: Вельцель Л., Кузнецова Н. Уголовное право ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 214 с.

⁶ Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / Отв. ред.: Кудрявцев В. Н. - М.: Наука, 1985. - С. 5-11.

бытия и личную жизнь граждан.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОСТУПКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

Вместе с тем уголовный проступок в законодательствах ряда зарубежных стран, а в особенности его понимание как уголовно-правовой категории, существенным образом отличается от понимания российскими теоретиками и Верховным Судом РФ. Проиллюстрируем это на примере УК ФРГ. Прежде всего, важно иметь в виду, что в германском уголовном праве понятие преступного деяния (преступления, проступка) сформулировано формально, то есть преступно только то, что наказуемо, и такая характеристика как «общественная опасность» в УК ФРГ отсутствует.

В Германском уголовном уложении (RGSt) 1871 г., который, в свою очередь, воспринял трехчленную конструкцию преступного деяния из французского Уголовного Кодекса Наполеона (*crime - délit - contravention*), так же отражены три группы преступных деяний в зависимости от их тяжести, а именно: преступление (*Verbrechen*), проступок (*Vergehen*) и нарушение (*Übertretung*). В зависимости от указанной тяжести совершенного преступного деяния в уголовном законодательстве Германии осуществляется и назначение наказания разного вида. Так за преступление (*Verbrechen*) предусматривалась либо смертная казнь, либо каторжная тюрьма. За проступок (*Vergehen*) - тюремное заключение. За нарушение (*Übertretung*), как правило, наказанием выступали штраф или краткосрочный арест.

Следует отметить, что германское уголовное законодательство постепенно эволюционировало. Процесс этот, понимаемый как реформа уголовного права, формально производится путем принятия новой редакции опубликования Уголовного Кодекса. Так, при реформе 1974-1975 гг. трехчленная конструкция преступного деяния была заменена двухчленной: преступлением (*Verbrechen*) и проступком (*Vergehen*), которая сохранилась до настоящего момента. Уголовные нарушения (*Übertretungen*) были изъяты, но некоторая часть из них трансформировалась в нарушения общественного порядка (*Ordnungswidrigkeiten*), которые наказываются в административном порядке. Трансформации подверглась и система наказаний, в результате которой единым видом наказания – лишением свободы были заменены существовавшие до этого наказания в виде каторжной тюрьмы и тюрьмы. Кроме того, за отдельные преступления и наряду с лишением свободы в качестве меры наказания был установлен денежный штраф.

После «усечения» трехчленной системы наказаний и признания уголовных нарушений нарушениями общественного порядка последние оказались за пределами сферы уголовного права. Однако подобное изменение привело к тому, что при такой реформе у лица, которое привлекалось к ответственности за совершение указанных нарушений, существенным образом изменялся объем гарантий, предоставляемых в уголовном процессе, в частности, такое лицо лишалось права на бесплатную помощь переводчика, что, в свою очередь, повлекло за собой жалобы привлекаемых за нарушение лиц, в том числе и в Европейский суд по правам

человека. Именно Европейским судом, в процессе разрешения подобных жалоб, была разработана и применена в своих решениях концепция «криминальной сферы» (уголовное право в широком смысле), согласно которой к криминальной сфере следует относить любую санкцию, применяемую/назначаемую публично. Публичность санкции опосредует предоставление привлекаемому к ответственности лицу всех необходимых процессуальных гарантий для вынесения справедливого решения, в том числе и в случаях, когда санкция формально не является уголовно-правовой.

Вместе с тем следует констатировать, что двухчленность конструкции преступного деяния имеет весьма и весьма скромное значение в практическом смысле, что отмечается германскими правоведом и, в свою очередь, опосредует дискуссию о дальнейшем сохранении в уголовном законодательстве Германии такой конструкции.

Обращаясь к действующему определению преступления и проступка в УК ФРГ, следует указать, что формальное их определение содержится во второй главе раздела первого Общей части УК Германии («Объяснение терминов») в § 12. В нем преступление и проступок понимаются как преступные деяния, отличные друг от друга по формальному признаку, а именно по установленному применительно к ним разному минимальному размеру наказания.

Так, проступок, как менее тяжкое противоправное деяние, наказывается лишением свободы на срок менее одного года или денежным штрафом (*Geldstrafe*), тогда как преступление карается лишением свободы на срок от одного года и более. Следует также иметь в виду, что ни отягчающие, ни смягчающие наказание обстоятельства, которые предусматриваются в УК ФРГ, никак не пересекаются с приведённой классификацией преступных деяний (Общая часть устанавливает их как для особо тяжких, так и для менее тяжких случаев)⁷.

Помимо технического значения разграничения преступления и уголовного проступка по чётко сформулированной в уголовно-правовой норме санкции (а не по размеру и виду назначенного в конечном итоге наказания), особое значение такая конструкция имеет для определения степени неправды лица (*Unrecht*) и его вины (*Schuld*).

В уголовном праве Германии указанная выше двухчленная конструкция положена в основу при назначении наказания за покушение в целом (§ 23, абз. 1) и за покушение на соучастие (§ 30). При этом обратим внимание, что доктрина уголовного права Германии и правоприменительная практика границами покушения признают промежуток с начала выполнения состава закона лицом по его представлению о деянии до момента его окончания⁸. Применительно к покушению §22 УК ФРГ устанавливает, что «Покушается на преступное деяние тот, кто по своему представлению о деянии непосредственно начинает осуществлять состав закона». Следовательно, субъективные представления нарушителя о совершенном преступном деянии являются определяющими для уголовно-правой квалификации покушения. При этом не имеет значения, способно ли данное деяние в принципе привести к предвосхищаемому результату.

⁷ Strafgesetzbuch. 45. Auflage. Muenchen, 2008.

⁸ BGHSt 43, 177.

тому результату.

В зависимости от того, является ли преступное деяние преступлением или уголовным проступком, различаются и пределы наказуемости за покушение на них (§23 УК ФРГ). Так, покушение на проступок наказуемо исключительно в тех случаях, когда в уголовном законе прямо указано, что оно наказуемо, в то время как для преступления такое указания не предусмотрено в силу наказуемости покушения на преступление во всех случаях.

Отметим, что подобные особенности конструкций неоконченного преступного деяния создают сложности в правоприменительной деятельности, в частности, при разграничении приготовительных действий и покушения. Представляется, что о начале выполнения состава закона (переходе к стадии его выполнения) следует говорить только в случаях, когда непосредственно создается угроза причинения вреда объекту посягательства либо когда на него начинает оказываться непосредственное воздействие. При отсутствии этого следует говорить лишь о намерении лица совершить преступное деяние, и в таком случае, например, когда лицо приобретает оружие, имея намерение на убийство, согласно германской уголовно-правовой доктрине, отсутствует вред жизни, и вреда ей такие действия не причиняют. По указанным основаниям приготовительные действия, обычно, уголовно не наказуемы. § 241 УК Германии (угроза совершения конкретного преступления) также указывает на двухчленную конструкцию преступного деяния⁹.

Не подлежит уголовному наказанию лицо, осуществившее подстрекательство к совершению проступка, тогда как подстрекательство к совершению преступления уголовно наказуемо.

Определенное значение деление преступного деяния на преступление и проступок имеет при назначении некоторых дополнительных наказаний, таких как

лишение права занимать определенные должности, права пользоваться правами, полученными в результате публичных выборов, права публично избирать или голосовать или права быть избранным и права голоса (§ 45 УК Германии)¹⁰.

ВЫВОДЫ

В качестве вывода еще раз отметим, что такой формальный критерий как размер наказания в виде лишения свободы является определяющим в УК ФРГ для деления преступного деяния на преступление и уголовный проступок (двухчленная классификация).

Стоит отметить, что законопроектом Верховного Суда РФ от 2021 г. предлагается отнести к категории уголовного проступка 53 состава преступлений в сфере экономики, большая часть которых приходится на главу 22 УК РФ. Результаты проведенного нами опроса 62 респондентов показали, что 86% аспирантов, магистрантов и студентов юридических факультетов считают наиболее предпочтительным вариант перевода социально необусловленных уголовно-правовых запретов в разряд административных, гражданских, налоговых и т.п. правонарушений. Названный вариант поддержали 100% опрошенных нами сотрудников Следственного комитета РФ и Министерства внутренних дел РФ. Наименьшее число поддержавших такой подход среди лиц, не имеющих высшего юридического образования (78,6%).

Таким образом, по опыту законодательного регулирования и правоприменительной практики в ФРГ, значение выделения из категории преступления проступка как для законодателя, так и для правоприменителя не является сколь-либо существенным. В то время как в систему российского уголовного законодательства уголовный проступок совершенно не вписывается, поскольку повлечёт в ней существенные, научно необоснованные изменения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вельцель Л., Кузнецова Н. Уголовное право ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 214 с.
2. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1994. 140 с.
3. Серебренникова А. В. Основные черты Уголовного Кодекса ФРГ, Москва, Диалог-МГУ, 1999.
4. Серебренникова А. В. Сущность и значение классификации преступных деяний по УК Германии // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2016. — Т. 3, № 6(27). — С. 26–28.
5. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / Отв. ред.: Кудрявцев В. Н. - М.: Наука, 1985. - 247 с.
6. Strafgesetzbuch. 45. Auflage. Muenchen, 2008.

REFERENCES:

1. Velzel L., Kuznetsova N. Criminal law of Germany. M.: Publishing house of Moscow. un-ta, 1980. - 214 p.
2. Poniatovskaya T.G. Conceptual foundations of criminal law in Russia: history and modernity. Izhevsk: Publishing house of Udm. un-ta, 1994. 140 p.
3. Serebrennikova A.V. The main features of the Criminal Code of Germany, Moscow, Dialog-MSU, 1999.
4. Serebrennikova A.V. The essence and significance of the classification of criminal acts according to the Criminal Code of Germany // Eurasian Union of Scientists (ESU). - 2016. - Vol. 3, No. 6(27). - pp. 26-28.
5. Yakovlev A.M. Theory of criminology and social practice / Ed.: Kudryavtsev V.N. - M.: Nauka, 1985. - 247 p.
6. Strafgesetzbuch. 45. Auflage. Muenchen, 2008.

⁹ Серебренникова А. В. Основные черты Уголовного Кодекса ФРГ, Москва, Диалог-МГУ, 1999. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 119.

Статья прошла проверку системой «Антиплагиат».

Статья поступила в редакцию 13.02.2022, принята к публикации 14.03.2022
The article was received on 13.02.2022, accepted for publication 14.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Серебренникова Анна Валерьевна, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: serebranna@hotmail.com

Кузнецов Андрей Юрьевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: andkuzn@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS

Serebrennikova Anna Valerievna, Dr.Sci.(Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Faculty of Law, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia. E-mail: serebranna@hotmail.com

Kuznetsov Andrey Yurievich, postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia. E-mail: andkuzn@inbox.ru